

СТАТИСТИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ КИЕВСКОЙ ГУБЕРНИИ,

изданное тайным советником И. Фундуклеем.
Три тома. СПб. 1852.

По какому-то стечению неблагоприятных обстоятельств, которых г. Фундуклей не объясняет подробно, капитальный труд, им изданный, является в свет пятью или шестью годами позже, нежели мог бы явиться без этого случайного замедления. «Статистическое описание Киевской губернии» было окончено еще в 1850 году; но печатание трех первых частей, ныне выпущенных в свет, продолжалось более двух лет, так что было окончено только осенью 1852 года. После того уже совершенно готовое издание около четырех лет лежало в кладовых и только ныне поступило в продажу. Нельзя не жалеть о том, что в течение нескольких лет публика и наука лишены были возможности пользоваться богатым запасом статистических данных, собранных просвещенною заботливостью господина Фундуклея и обработанных господином Журавским и его помощниками в трех огромных квартантах. Нельзя также не чувствовать, что в 1851 году многие из цифр, представляемых этим трудом, имели более свежести, нежели сохранилось в них теперь, через пять лет. Но, тем не менее, полнота и основательность изданного теперь исследования таковы, что, несмотря на замедление, которое, конечно, огорчало г. Фундуклея и г. Журавского более, нежели кого-нибудь, «Статистическое описание Киевской губернии» остается одним из самых драгоценных приобретений, сделанных русскою наукою в течение всего настоящего столетия. Это один из тех ничем не заменяемых источников, которые навек остаются главнейшим пособием для изучения предмета, ими излагаемого. Не колеблясь, надобно сказать, что «Статистическое описание Киевской губернии» должно быть по своему ученому достоинству поставлено на ряду с теми славными изданиями, которым принадлежит первое место в науке. Это сборник, в роде знаменитых сочинений Фуррье «Statistique du département de la Seine» * (1824—1845) или

* Статистика департамента Сены. — *Ред.*

Шаброля «Recherches statistiques sur la ville de Paris» * (1821—1829). И если во Франции, столь богатой статистическими сборниками, Фуррье до сих пор остается необходимою справочною книгою, то у нас издание г. Фундуклея еще гораздо менее могло потерять живую современность для науки от замедления, о котором мы говорили. Изучение этого труда представляет так много интереснейших фактов и соображений, что мы спешим окончить наше предисловие и приступить к изложению содержания самой книги. Сведения, в ней собранные, так многочисленны и важны, что мы не боимся утомить внимание читателя, хотя статья наша будет обширна. Мы уверены, что читатель скорее найдет наше изложение слишком кратким, нежели излишне длинным.

В извещении об издании г. Фундуклея, в библиографии предыдущей книжки «Современника», мы уже говорили о том, как были собираемы материалы этого труда и как он составил.

Хорошо понимая важность и пользу статистических исследований, г. Фундуклей, занимавший должность киевского гражданского губернатора, употребил все зависящие от него средства для собрания статистических сведений о губернии, которою управлял, а ближайшее заведывание этим делом и обработка собранных данных поручены были известному политико-эконому г. Журавскому **. Материалы, служившие основанием труду, извлекались, как говорит «предуведомление», из трех главных источников: 1) официальных документов, представленных статистической комиссии от присутственных мест и чиновников Киевской губернии; 2) из частных письменных документов, которые, по желанию г. Фундуклея, были доставлены конторами различных фабрик, экономических управлений, торговых домов и проч. Эти сведения дали чрезвычайно много интереснейших фактов. 3) Кроме того, были предприняты особенные изыскания с целью поверять на местах официальные показания, делать извлечения из частных письменных документов, объяснять их изустными показаниями сведущих людей, наконец, наблюдать, как та или другая отрасль экономического быта идет в действительности. Этим средством добыто множество очень важных и достоверных сведений.

Все собранные данные были рассмотрены и проверены самым точным образом, и было употреблено особое старание, чтобы свод их сделать сколь возможно полнейшим.

И, действительно, русская статистическая литература едва ли представляет сочинение, которое по своей полноте и точности могло бы равняться с «Описанием Киевской губернии». Только в «Сельскохозяйственной статистике Смоленской губернии» г. Соловьева ² некоторые отделы, наиболее доступные изыска-

* Статистические изыскания о городе Париже. — Ред.

** В этой книжке нашего журнала г. Журавский поместил статью о железных дорогах. Читатели оценят достоинство этого замечательного исследования ¹.

ниям автора (как, например, хозяйственный быт государственных крестьян), изложены с полнотою, близкою к тому, что представляет издание г. Фундуклея. Но план книги г. Фундуклея гораздо обширнее, и почти все части его обработаны с запасом материалов, столь же богатым и достоверным, как те материалы о быте государственных крестьян Смоленской губернии, какими располагал г. Соловьев. При равном достоинстве, один из этих трудов относится к другому, как одна часть к целому.

Издание г. Фундуклея должно составить четыре тома.

I. Обзорение площади, народонаселения, населенных мест и путей сообщения. Обзорение поверхности Киевской губернии: ее величина, топографическое и гидрографическое обзорения, климат, геогностическое описание, естественные произведения (стр. 1—130). Народонаселение: его количество, движение, разделение по состояниям и занятиям, домашний быт сельских классов (стр. 131—288). Обзорение городов, местечек, селений и путей сообщения (стр. 289—540). К этой части приложены две карты Киевской губернии: 1) специальная карта, в размере 33 и 31½ дюймов, по масштабу 10 верст в английском дюйме, и 2) геогностическая карта, по масштабу 25 верст в англ. дюйме, и подробный план города Киева, в размере 17 и 36 дюймов, по масштабу 100 сажень в англ. дюйме.

II. Обзорение сельского хозяйства и поземельной собственности. Общее хозяйственное обзорение губернии (стр. 1—86). Обзорение помещичьих имений (стр. 87—414). Обзорение имений государственных (стр. 415—502). Имения военного поселения (стр. 503—512); поземельные собственности других классов (стр. 513—534).

III. Обзорение промышленности и торговли. Фабричная, заводская и мелкая промышленность (стр. 1—314); торговля (стр. 315—572).

Эти три части, из которых каждая составляет толстый том в четвертку, теперь наконец выпущены в книжную торговлю. Время выхода в свет четвертой и последней части, «условливаемое разными обстоятельствами, ныне определено быть не может», говорит г. Фундуклей. Эта четвертая часть должна заключать в себе «Обзорение местного управления и правительственных учреждений: а) собственное управление; б) правительственные учреждения; в) государственные и общественные повинности; г) государственные и общественные доходы; д) употребление казенных и общественных сумм; е) местное движение и обороты сумм». Нет сомнения, что эта четвертая должна не уступать своею важностию трем первым, и потому нельзя не желать, чтобы она скорее была издана в свет. Этому можно тем более надеяться, что предуведомление, из которого заимствовали мы слова г. Фундуклея о неопределимости срока ее выхода, написано еще

в 1852 году, и те обстоятельства, которые наконец дали ему возможность выпустить первые три части, убийственно доселе лежавшие в кладовых, вероятно, облегчат ныне почтенному сановнику издание и четвертой части его «Статистического описания».

Обширность плана и богатство фактов, представляемых каждым отделом его, заставляют нас, чтобы не переполнить своей статьи бесчисленными подробностями, сосредоточивать внимание только на некоторых главах сочинения, излагающих стороны быта, наиболее интересные или по своей важности в государственном хозяйстве, или по тому, что в Киевской губернии они развились особенным образом, отличным от того порядка, какой находим в Великой России. В Киевской губернии и других малороссийских провинциях народный быт по многим отношениям отличается от великорусского быта, сходясь с ним во многом другом. Соображение этих особенностей и того, что одинаково в Малой и Великой России, придает особенный интерес изучению экономического быта Киевской губернии.

Мы уже знаем, что «Описание», изданное теперь г. Фундуклеем, окончено было в 1850 году; труды обработки собираемых материалов начались с 1845 года. Потому цифры, представляемые «Описанием», относятся большею частью к 1840—1849 годам. С того времени, как мы уже заметили, многие из них должны были значительно измениться, особенно цифры, выражающие ценность различных фабричных и заводских производств. От этого могли увеличиться или уменьшиться доходы нескольких заводчиков и торговцев и несколько перемениться занятия фабричных в пяти-шести волостях. Но в общих чертах экономический быт населения не успел измениться заметным образом: количество земли, приходящейся на каждого работника, способ ее обработки, распределение доходов между различными сословиями, занятия, доходы, расходы и привычки поселянина, ремесленника, купца — все это в 1856 году находится в таком же положении, как было в 1845—1847 годах. А эти-то именно отношения, остающиеся неизменными до сих пор, важнее всего остального, они-то должны преимущественно занимать нас, и те черты быта, которые мы извлекаем из книги г. Фундуклея, можно сказать вообще, настолько же свежи и современны, как если бы были записаны год или два года тому назад.

При своем благодатном климате и плодородной, черноземной почве, Киевская губерния могла бы доставлять роскошные средства для жизни своим жителям, хотя и принадлежит к числу населеннейших провинций России. На каждую душу всего населения (обоего пола) в 1845 году приходилось, средним числом, по две и три четверти десятины. Эта пропорция земли с лишком в три раза более, нежели в Бельгии, в два с половиною раза более, нежели в Англии, слишком в два раза более, нежели во Франции, почти в два раза более, нежели в Австрии, наконец

слишком в полтора раза более, нежели в Пруссии, где климат и почва, конечно, не столь хороши, как в Киевской губернии. Почти равна густотою населения Киевская губерния Португалии и Испании.

Общее число жителей в Киевской губернии, 1 585 047, раздѣлялось, в 1845 году, по сословиям следующим образом:

Дворян	62 967, или на каждых	100 душ	4,08%
Духовных	16 194 » » »	100 »	1,09%
Купцов, мещан и гражд- дан	192 734 » » »	100 »	12,35%
Сельских свободных клас- сов	294 127 » » »	100 »	19,02%
Крепостных людей . .	1 019 025 » » »	100 »	63,46%

Таким образом, на 1 000 душ в Киевской губернии считалось людей свободных городских и сельских сословий 366 человек, а крепостных крестьян 634 души.

Сравнивая эти числа с цифрами, сообщаемыми г. М. Заблoцким относительно раздѣления по сословиям народонаселения всей России в 1836 году (см. «Сборн. статист. свед.», книга I), находим, что пропорция дворян в Киевской губернии вчетверо более, нежели вообще в России. Количество крепостных крестьян сравнительно с числом остальных сословий земледельческаго класса также почти вчетверо более. Это различие, как ниже увидим, объясняется относительно дворян — многочисленностью фамилий, происходящих от шляхты, а относительно крестьян — пожалованиями, после присоединения к России.

Пропорция духовенства в Киевской губернии почти та же, как и в остальной России. Но пропорция горожан более, именно, на 1 000 душ населения приходится:

	Поселян	Лиц других сословий
В Киевской губернии . . .	825	175
В империи вообще	877	123

Это большее число горожан зависит преимущественно от многочисленности евреев в Киевской губернии.

По вопросу о движении народонаселения, достоверные числа за продолжительное число лет найдены только относительно православнаго населения, в метрических книгах, с 1804 года. Взявъ итоги за сорокъ лѣтъ (1804—1843) и раздѣлив это пространство времени на два большіе періода, по двадцатилѣтіям (1, 1804—1823; 2, 1824—1843), мы получим среднюю цифру для каждаго года:

	Родившихся	Умерших	Прибыль населения
1804—1823 . .	53 446	38 261	15 185
1823—1843 . .	57 367	46 803	10 564

Иначе говоря: сравнительно с первым периодом, число умирающих увеличилось во втором периодѣ на 22 %, между тем как

число родившихся увеличилось на $6\frac{3}{4}\%$. На сто человек родившихся приходилось:

В первом периоде	73	умерших
Во втором »	82	»

Относительно преобладания тех или других причин смертности в массе населения невозможно было сделать никаких точных вычислений, потому что медицинскими пособиями пользуется только незначительная часть народа. Единственные важные цифры по этому предмету представляют таблицы смертности военных чинов в Киевском военном госпитале за десять лет (1835—1844). Из общего числа 6 400 умерших, от чахотки умерли 1 742 человека (один из четырех); от изнурительной лихорадки 1 045 (один из шести); от спинной сухотки 692 (один из девяти); из других болезней, наиболее часто причинами смерти были гнилая горячка, понос и водяная: от каждой из них умерло около 600 человек.

В течение четырех лет (1842—1845) в Киевской губернии было убийств 202, а самоубийств 305. При этом надобно еще заметить, что из числа убийств большая половина была совершена без умысла, вследствие несчастного случая. Потому число несчастных, лишивших себя жизни, было гораздо более, нежели число преступников, решавшихся отнять жизнь у другого. Нельзя не видеть, что эта пропорция поразительным, хотя и прискорбным, образом свидетельствует о доброте и мягкости в массе народонаселения.

Кроме естественных причин большего или меньшего перевеса числа рождающихся над числом умирающих, быстрота, с которою увеличивается население, может зависеть также от переселения. Влияние этого факта в Киевской губернии ничтожно. Важнее здесь другие обстоятельства: с одной стороны — водворение отставных солдат, а с другой — отдача в рекруты и ссылка. Вот средние числа, по десятилетней сложности:

Ежегодно: водворяется отставных солдат	918	человек
» в рекруты поступают	2 458	»
» преступников ссылается	366	»

Сверх прибыли или убыли населения надобно также обращать внимание на периодический отлив и прилив его (для богомольства, заработков и проч.). Из фактов этого рода важнее других стечение богомольцев в Киев на поклонение св. мощам. Богомольцев, приезжающих (людей достаточного сословия) в Киев, было, в течение 1845 года, 7 650 человек; число простолюдинов, приходящих пешком, с тою же богоугодною целью, изменяется, смотря по урожайности года в России. В неурожайные годы бывает их до 50 000; в урожайные количество это возрастает до 80 000 человек.

Разделение населения в народных переписях по сословиям

позволяет видеть, какое именно участие принадлежит различным классам в общей прибыли населения. В Киевской губернии считалось (муж. пола):

	Дворян	Духовных	Купцов, мещан, горожан	Крестьян помещ.	Крестьян госуд. и других поселян
В 1834 году	23 078	8 409	80 185	507 500	125 389
В 1845 »	32 522	8 560	97 273	504 424	134 209

Таким образом, в течение одиннадцати лет число дворян увеличилось на пятьдесят процентов; число купцов и горожан на двадцать процентов; число государственных крестьян, однодворцев и проч. на восемь процентов; в числе помещичьих крестьян произошла небольшая убыль.

Заметим кстати, что цифры, собранные г. Соловьевым о Смоленской губернии, приводят к тем же выводам: быстрее всего возрастает число дворян; есть сильная прибыль в сословии купцов и горожан; довольно ощутительно приращение между государственными крестьянами, число крепостных крестьян не возрастает*.

От общего обзора массы народонаселения переходя к подробностям о различных сословиях, прежде всего встречаем несколько любопытных фактов о шляхтичах, число которых еще в 1831 году простиралось в Киевской губернии до 40 091 человек мужеского пола (шестнадцатая часть всей массы населения). «События 1831 года, — говорит «Описание», — показали необходимость решительного переустройства этого сословия». Указом 19 октября 1831 года было предписано: «Привести в известность весь состав польской шляхты и, по рассмотрении прав на дворянство каждого семейства, из доказавших оные образовать настоящее местное дворянство, как в великороссийских губерниях, а не доказавших причислить к податным классам». Учрежденные для того комиссии разделили шляхту на три разряда: семейства, владевшие крестьянами, хотя б и не были признаны в правах депутатскими собраниями, немедленно были причислены к дворянам; семейства, утвержденные в дворянских правах депутатскими собраниями, но не владеющие крестьянами, должны были представить доказательства своих прав на дворянство и до рассмотрения их избавлены от податей; шляхтичи, не утвержденные депутатскими собраниями и не владевшие крестьянами, обложены немедленно податями. Лиц мужеского пола третьего разряда оказалось 29527. (Таких же шляхтичей в то же время было внесено в подушный оклад по Волынской губернии 31 411, а по Подольской 48 545 че-

* Г. Соловьев, сличая цифры сословий Смоленской губернии в 1834 и в 1850 годах, нашел, что в течение шестнадцати лет сословие служащих возросло на девяносто один процент, купеческое и мещанское на двадцать процентов, государственных крестьян на шесть с половиною процентов, помещичьих крестьян на одну третью часть процента.

ловек мужеского пола). Из шляхтичей второго разряда, по рассмотрении их документов, одни утверждены в дворянстве, другие причислены к податным сословиям; но дворянские права большей части шляхтичей второго разряда еще рассматриваются.

Таким образом, шляхтичи, через которых дворянское сословие смешивалось с остальными сословиями населения, или причислены к податным состояниям, или к дворянам, и дворянское сословие строго разграничено от других состояний.

Помещиков считалось в 1845 году в Киевской губернии 1 266 человек. В их владении находится более трех четвертей всей земли и более двух третей всего населения губернии.

Беспоместных дворян в то же время считалось в губернии до 29 300 человек мужеского пола. Некоторые из них находятся на государственной службе, но несравненно значительнейшая часть (до 28 000) живут в селах, занимаясь различными промыслами и службою у частных людей. Это большею частью шляхтичи 2-го разряда, т. е. внесенные в число дворян до 1831 года депутатскими собраниями. Права их большею частью еще рассматриваются.

Некоторые из них (говорит «Описание») содержат в аренде помещичьи имения и разные оброчные статьи; но большая часть занимает разные сельские должности: смотрителей экономий, конторщиков, писарей, счетоводов, магазинщиков и т. д., — но как число этих мест ограничено, а семейства дворян 2-го разряда постоянно прибывают, то средства их пропитания с каждым годом становятся затруднительнее, тем более, что служебное поприще для них ограничено. Однако нужда заставляет многих не быть разборчивыми в промыслах, и ныне во многих уездах есть целые слободы и селения, населенные дворянами, которые состоянием своим и бытом стоят наравне с крестьянами. Также можно встретить в Киеве дворян, ищущих мест в услужение.

В сословии торговцев и горожан считалось мужеского пола в 1845 году: купцов-христиан — 636, евреев — 3 281; мещан-христиан — 25 725; евреев — 65 929.

Из купцов-христиан более половины (358) сосредоточены в Киеве; из купцов-евреев почти две трети (1 839) в Бердичеве. Вне городов купцы-христиане почти вовсе не живут; но купцов-евреев много (630) рассеяно по местечкам и селениям.

Относительно количества помещичьих крестьян «Описание» сообщает нам следующие замечания:

По ревизии 1834 года число помещичьих крестьян на пашне простиралось: мужеского пола до 501 195 душ, женского — 512 120 душ. В 1845 году число помещичьих крестьян уменьшилось: мужеского пола до 497 930 душ, женского — до 508 074 душ... В статье о приращении народонаселения мы заметили, что оно — наименьшее в классе помещичьих крестьян и в продолжение 48 лет не превышало 13%, т. е. почти по одной четвертой части процента ежегодно, между тем как общая масса населения увеличивалась почти на 1/2%. Это происходит от многих причин и обстоятельств... Наличие же число крестьян в имениях еще менее определено последнею ревизиею, за 10 лет — обстоятельство весьма замечательное, объясняемое отчасти побегам крестьян в смежные степные губернии.

Не принадлежащие к помещичьим крестьянам, свободные поселяне в Киевской губернии носят различные имена, смотря по тому, к какому состоянию принадлежали прежде. Многочисленнее других разряды старостинских и экономических крестьян (разные наименования государственных крестьян), однодворцев, военнопоселенцев и бессрочно-отпускных и отставных солдат.

За обозрением состава населения в статистике, изданной г. Фундуклеем, следует обозрение городов. Сказав несколько слов вообще о городах, местечках и селениях Киевской губернии, мы остановимся единственно на описании Киева.

Население губернии живет в 12 городах, 101 местечках, 1 106 селах, 839 деревнях, 67 хуторах, так что общее число всех поселений в 1847 году простиралось до 2 125.

За исключением Киева и Бердичева, города мало отличаются от местечек и наружностью и устройством. Почти все еврейское население сосредоточено в городах и местечках, так что они по преимуществу места торговли и промыслов.

В польских владениях города разделялись на коронные, пользовавшиеся большою самостоятельностью по магдебургскому праву, и владельческие, находившиеся в зависимости от помещиков, на землях которых были построены. По присоединении к России, это различие было удержано для городов Киевской губернии, и, например, Киевом управлял и дела его жителей судил магистрат по магдебургскому праву до 1832 года, когда этот привилегированный порядок был заменен обыкновенным устройством русских городов. Зато другие некоторые города до сих пор остаются владельческими, например, Бердичев, принадлежащий князьям Радзивилам, и Липовец, право владения которым разделилось между несколькими помещиками.

В 1798 году число постоянных жителей в Киеве было 19 000; в 1817 году — 23 500; в 1835 году — 29 000; в 1845 году — до 50 137; сверх того, постоянно квартировало в Киеве в 1831—1845 годах до 13 400 войска. Всего постоянных жителей около 1845 года должно было считать до 64 000. На летние месяцы приходит в Киев около 7 000 человек на работу. Число богомольцев, ежегодно приезжающих в Киев, бывает 7 000—8 000 и проходящих пешком — 50 000—80 000 человек. Число людей, приезжающих или проходящих в Киев по служебным, торговым и другим делам, простирается до 100 000 человек ежегодно.

Из ярмарок, бывающих в Киеве, знаменита Крещенская, или так называемые «Контракты». Число помещиков и купцов, приезжающих на контракты, так значительно, что в той части города, где преимущественно останавливаются приезжие, при отдаче квартир на год, всегда выговаривается хозяином дома, что во время контрактов жилец должен поместиться в одной или в двух комнатах, а всю остальную квартиру предоставить хозяину для отдачи приезжим.

Мастеровых в Киеве в 1845 году считалось до	6048
в том числе	
Портных (с подмастерьями и учениками)	481
Сапожников	953
Плотников и кровельщиков	1409
Каменщиков, каменотесов и штукатуров	1450
Столяров и мебельщиков	508
Кузнецов и слесарей	322
Хлебопеков	543

В числе мастеровых есть несколько иностранцев, работающих для богатой части населения. Все остальные мастеровые, по словам «Описания», знают свое дело очень посредственно. «В их изделиях заметны недоученность, небрежность отделки, совершенное равнодушие к улучшению. Все работают по рутине; заказ по оригинальному рисунку приводит их в величайшее затруднение». Жаловаться на недостаток работы они не могут.

О распределении удобств жизни между различными сословиями киевского населения дает довольно точное понятие таблица, показывающая число экипажей и лошадей, принадлежавших в 1845 году разным классам жителей:

	Дворянам и чиновн.	Духовным	Купцам	Мещанам	Крестьянам	Разным классам
Карет, колясок и кабриолетов . .	581	67	45	19	—	—
Лошадей упряжных	2120	231	578	751	190	322
Лошадей верховых	51	—	—	—	—	—

Таким образом, из более или менее роскошных экипажей дворянам и чиновникам принадлежали более, нежели четыре пятых части всего количества; из всего числа упряжных лошадей — более половины. Верховые лошади исключительно принадлежали дворянам и чиновникам.

Из других городов замечателен обширностью своей торговли Бердичев, населенный евреями. Оброчные статьи, признанные собственностью владельцев, на землях которых построен этот город, князей Радзивилов, около 1845 года приносили до 79 000 руб. дохода. Но из этой огромной суммы только незначительная часть поступает действительно в пользу владельцев, потому что на имении лежат большие долги, и оброчные статьи отдаются кредиторам вместо уплаты.

Пропуская последнюю главу первого тома, о путях сообщения, не представляющих почти ничего замечательного, обращаемся к важной стороне экономического быта Киевской губернии, как и всех вообще провинций империи — земледелию.

Расположение сельских усадеб в Киевской губернии, имеющее чисто малороссийский характер, более удобно для сельских работ, нежели великорусский способ постройки, где дворы стоят вплоть один подле другого. Здесь дворы очень просторны, при каждом есть огород и обширное место для прогула скота до поры

выгонов на пастбище. По широкому размещению дворов, поля и луга поселанина не слишком отдалены от его жилища. Система хозяйства вообще трехпольная, без удобрения (1, озимое поле, 2, яровое, 3, пар). Плодопеременное хозяйство с удобрением введено у немногих помещиков.

Обработка полей тщательнее и сложнее, нежели в Велико-россии, и производится волами, которых запрягают в плуг три пары. Обычая просушивать хлеб в овинах здесь нет.

Масса населения, для которого источником доходов служит земледелие, состоит в Киевской губернии из следующих сословий (цифры относятся к 1845 году):

	Число душ обоего пола	Количество полей, обраба- тывающихся в их пользу
Помещики (с их семействами) . .	3 500	810 098
Свободные хлебопашцы	733	2 000
Помещичьи крестьяне	1 006 004	899 466
Государственные крестьяне . . .	205 498	309 455

Кроме того, земледелием занимаются военные поселенцы, сельское духовенство и лица разных сословий, нанимающие землю и обрабатывающие ее посредством найма (беспоместные дворяне и проч.) или собственным трудом (мещане, однодворцы, отставные солдаты и проч.).

Сравнивая цифры, представляемые таблицею, видим, что количество господской запашки, обрабатываемой барщиною, составляет почти две пятых части всей обрабатываемой земли и почти равняется пространству полей, предоставляемых помещиками крестьянам их: на каждое лицо из класса помещиков достается, средним числом, сбор хлеба более, нежели с 230 десятин; помещичьи крестьяне на каждую душу пользуются менее, нежели девятью десятыми частей десятины; государственные крестьяне пользуются 1½ десятины, так что пропорционально имеют слишком в полтора раза полей более, нежели помещичьи крестьяне; свободные хлебопашцы обрабатывают почти по три десятины на душу, то есть вдвое более государственных и втрое более помещичьих крестьян.

За этим общим обозрением земледельческого быта губернии следуют в «Описании» частные обозрения помещичьих имений и потом государственных имуществ. Обе эти главы очень обширны и важны, особенно первая.

Во владении помещиков находится, как мы видели, более 3 500 000 десятин земли (более трех четвертей всего пространства) и более 1 000 000 душ (более двух третей всего населения губернии). Интересно рассмотреть распределение этих поместий между их владельцами. Выше было показано число лиц, владеющих поместьями Киевской губернии, равным 1 266. Но эта цифра получается через сложение числа помещиков в каждом уезде.

А так как многие помещики имеют владения каждый в двух, трех и более уездах, а потому числятся в общей сумме вдвойне, втройне и более, то действительное количество лиц, между которыми распределено владение поместьями, должно быть менее этой цифры. По приблизительным вычислениям, «Описание» полагает, что помещиков в Киевской губернии от 600 до 650 человек. Но так как точных сведений об этом вообще по губернии нет, то и надобно руководиться исчислениями по отдельным уездам, и при этом общее число 1 266 разделяется по степени богатства на четыре класса (1, менее 100 душ; 2, 100—500 душ; 3, 500—1 000 душ; 4, более 1 000 душ) в следующей пропорции:

Число помещиков, имеющих		Общее количество принадлежащих им душ м. п.
менее 100 душ мужеского пола . . .	537	20 430
от 100 до 500 душ мужеского пола . .	518	131 300
от 500 до 1 000 душ	131	96 450
более 1 000 душ	75	253 450

Таким образом, более половины всего количества поместий сосредоточены во владениях 75 человек. Если положить, что богатым помещиком вообще должен называться только имеющий не менее 500 душ, то не более одной шестой части помещиков принадлежат этому классу; они владеют более, нежели двумя третями всех поместий. Из остальных, 500 помещиков могут, благодаря своим поместьям (100—500), пользоваться бóльшим или меньшим довольством в жизни. Для остальных помещиков Киевской губернии, имеющих каждый менее 100 душ, именья не могут служить источником значительных доходов. Но Киевская губерния есть одна из самых обильных большими поместьями и наименее имеет мелких поместьев. В других губерниях число богатых помещиков составляет относительно мелкопоместных владельцев еще гораздо меньшую пропорцию. Например, в Смоленской губернии из общего числа 5 619 помещиков только 38 принадлежат к четвертому классу и только 74 к третьему, из 100 помещиков только 2 могут назваться людьми более или менее богатыми; напротив, 4 780 помещиков, или из 100 помещиков, более 80 человек, имея каждый менее 100 душ, не принадлежат к числу людей, обеспеченных в жизни доходами с поместий («Статистика Смоленской губернии» г. Соловьева, стр. 133).

Количество пахотных и сенокосных земель, принадлежащих в Киевской губернии помещикам 1-го разряда (менее 100 душ у каждого) — 125 340 десятин; помещикам 2-го разряда (у каждого 100—500 душ) принадлежит 651 850 десятин; помещикам 3-го разряда (500—1 000 душ) 441 480 дес.; помещикам, имеющим каждый более 1 000 душ, принадлежит 1 037 430 десятин земли. Сравнивая эти цифры с цифрами населения, принадлежащего каждому разряду, находим, что чем обширнее поместья, тем

менее приходится земли на каждую ревизскую душу. Именно, в 1-м классе 6 десятин, во 2-м 5 десятин, в 3-м $4\frac{1}{2}$ десятины, в 4-м только по 4 десятины на душу. Точно так же и лесными угодьями большие поместья, сравнительно, скуднее малых: в 1-м разряде приходится на душу по $2\frac{3}{4}$ десятины леса, в 4-м менее нежели $1\frac{1}{2}$ десятины. Количество рабочего скота совершенно пропорционально количеству земли, потому, сравнительно, в больших поместьях оно менее, а в малых более. Но у помещичьих крестьян рабочего скота вообще так недостаточно, что многие помещики, для обрабатывания своих полей, принуждены содержать собственный рабочий скот с прибором земледельческих орудий. Этого так называемого «реманентного скота» во многих поместьях содержится по 120 волов (и 20 плугов) на каждые 500 душ крестьян. По справедливому замечанию «Описания», реманенты эти надобно считать последствием худого состояния крестьянских хозяйств (том 2, стр. 107).

По довольно точному исчислению, основанному на многочисленных подлинных отчетах многих значительных имений, средний годичный доход, получаемый всеми помещиками Киевской губернии от хлебопашества, равнялся, по пятилетней сложности (1841—1845) почти $3\frac{1}{2}$ миллионам руб. сер. (3 499 300). сверх того, значительные доходы приносят помещикам свекловичные плантации (142 300 руб.), сенокосы (191 000) и содержание тонкорунных овец (127 350 руб.).

Тонкорунная овца ежегодно дает чистой прибыли, средним числом, по 50 коп. сер. Значительность такой выгоды побуждает расчетливых хозяев заботиться о расширении тонкорунного овцеводства. Но «Описание» замечает, что в Киевской губернии эта отрасль сельского хозяйства имеет и свои неудобства. «Содержание здешними помещиками многочисленных стад тонкорунных овец не совсем соответствует малоземелью их имений относительно к наделению землею крестьян, особенно нуждающихся в сенокосах и пастбищах. От недостатка тех и других, многие хозяйства пеших, огородников и бобылей не в состоянии обзавестись скотом» (т. 2, стр. 166). Тонкорунное овцеводство принадлежит к числу отраслей хозяйств, заметно развивающихся. Так, в 1842 году всего в губернии считалось 200 344 голов, а в 1845 году—254 628 голов тонкорунных овец. Они принадлежат исключительно только значительнейшим хозяйствам, требуя больших средств для успешного разведения.

Еще значительнее, нежели от овцеводства, доходы помещиков от фабричных заведений. В 1845 году, по приблизительной оценке, при валовом производстве, простиравшемся до 2 992 890 руб. сер., помещики получили с фабрик и заводов чистого дохода около 750 000 руб. (748 170).

В это исчисление не входят винокуренные и пивоваренные заводы. Хлебного вина, пива, меда и водок в 1845 году выделано

на сумму более 1 800 000 руб. Чистый доход помещиков от этого производства простирался более, нежели до 450 000 руб.

Лесов принадлежит помещикам 743 843 десятины, или около трех четвертей всего количества лесов в губернии. В двух поместьях введено правильное лесное хозяйство. Зато в большей части других леса изводятся, по словам «Описания», самым нерасчетливым образом:

Помещики, нуждающиеся в наличных деньгах, обыкновенно всегда готовы добыть их от евреев и охотно продают им свои леса на сруб. В этих сделках, разумеется, ценами владеют те, у которых деньги, то есть евреи, и в пример того, до какой степени они успели уронить эти цены, можно привести формальное условие, заключенное в 1842 году одним радомысльским помещиком с купцом-евреем, на продажу ему 2 376 десятин отличного леса, в котором много корабельного материала, ценою за 3 900 руб. сер. Это почти бесценок, ибо за каждую десятину приходится владельцу леса по 1 руб. 64 коп. В 1846 году тоже продано одним тамошним помещиком 2 000 десятин леса за 11 000 руб. ассигн. (Том 2, стр. 179).

«По отсутствию всякого устройства в помещичьих лесах, — продолжает «Описание» — и по неправильному и в высшей степени нерасчетливому пользованию ими, почти невозможно определить дохода от этой важной части поземельной собственности помещиков». Приблизительно, доход этот надобно оценить в 385 000 рублей серебром.

Кроме прибыли, доставляемой курением вина, помещики получают очень большую выгоду от продажи его, или так называемой пропинации. Вот правила, на которых существует она в Киевской губернии:

В здешнем краю вольная продажа вина и других напитков составляет особую, весьма значительную, статью дохода помещиков, не существующую в великороссийских губерниях. Доход с винной продажи не должно смешивать с доходом от винокурения. Каждый помещик в праве запретить своим крестьянам употреблять на месте всякое другое вино, кроме продаваемого в его шинках и корчмах.

До 1849 года за это право быть откупщиком в своем поместье платилась постоянная пошлина до 58 коп. сер. с ревизской души, и, за вычетом этой подати, чистого дохода шинки и корчмы доставляли помещикам 872 273 руб. По положению 23 ноября 1849 года, постоянная подушная подать за пропинацию заменена сбором в казну по 75 коп. сер. с каждого ведра, отпускаемого на продажу; вследствие того и количество чистого дохода, получаемого помещиками от пропинации, должно измениться.

Сверх всех исчисленных главных источников дохода, получаемого помещиками, существуют еще другие, второстепенные статьи сборов, доставляющие им, в сложности, более 500 000 руб. чистого дохода.

Мы привели только главные выводы из расчетов и изысканий, обширных и сделанных с чрезвычайною добросовестностью и аккуратностью, на основании многочисленных достоверных сведений, доставленных отчасти официальными документами, отчасти бухгалтерскими счетами различных помещичьих управлений и т. д. Нет сомнения, что во многих случаях все-таки не доставало материалов для того, чтобы числа, выводимые «Описанием», были совершенно непогрешительны; но значительно уклоняться от точной истины они, кажется, не могут. Соединяя в одну таблицу все добытые таким образом цифры, «Описание» представляет следующую оценку чистого дохода помещиков Киевской губернии в 1846 году:

Хлебопашество	3 425 000	р. с.
Сахарная свекловица	412 300	»
Пастбища и сенокосы	191 070	»
Тонкорунное овцеводство	127 350	»
Фабричная промышленность	748 170	»
Винокурение, пиво, мед и водка	453 340	»
Леса	384 700	»
Винная продажа	872 250	»
Разные сборы	509 200	»
<hr/>		
Всего дохода	7 123 380	р. с.

Таким образом, круглым числом, каждая ревизская душа в Киевской губернии приносит помещику ежегодного дохода несколько более 14 р. сер. За то, что оценка эта не преувеличена, ручается обыкновенная арендная плата в поместьях, отдаваемых на оброчное содержание, — от 8 до 10 р. сер. с души. По вычислению г. Соловьева, в Смоленской губернии доход помещика с ревизской души не может быть оценен менее, как в 10 р. 50 к. сер. («Стат. Смол. губ.», стр. 220). Так как почва Киевской губернии плодороднее, нежели Смоленской, и сверх того в Киевской губернии существуют отрасли доходов, не существующие в Смоленской, например, пропинация и свекловица, то и нет сомнения, что доход помещиков, вычисляемый изданием г. Фундуклея, не превышает истины, превосходя только на 3 р. 50 к. доход, определяемый для смоленских помещиков г. Соловьевым, за умеренность цифры которого ручается обычная величина оброка в Смоленской губернии — 20 р. сер. с работника (число мужчин в поре рабочего возраста составляет почти половину всего числа ревизских душ). Если уже полагать, что цифры, вычисляемые г. Соловьевым и изданием г. Фундуклея, не совершенно соответствуют доходу, получаемому помещиками, то скорее они ниже, нежели выше действительного дохода.

Таким образом, все количество дохода, получаемого помещиками Киевской губернии с их поместьев, превышает сумму 7 000 000 р. сер.; а средняя цифра дохода с ревизской души

должна быть полагаема не менее 14 р. сер. Но это только средняя цифра, общий вывод из фактов чрезвычайно различных. Есть именья, приносящие гораздо более дохода, нежели 14 р. сер. с души, особенно те поместья, при которых существуют заводы и фабрики; другие именья, особенно те, в которых доходы помещика извлекаются только из хлебопашества и винной продажи, дают менее 14 р. с души.

Количество получаемого помещиками дохода от одних и тех же статей и от всех в совокупности (говорит «Описание») бесконечно различно и зависит от множества обстоятельств. Так как доход из каждой статьи извлекается обязанною работою крестьян, а количество этой работы определено законом *, то очень важно здесь искусство употреблять рабочие дни возможно выгоднейшим образом. Но это искусство, или, собственно, расчетливость, встречается довольно редко между нашими хозяевами. Рассматривая по документам экономических контор годовое производство работ в разных имениях, мы не раз удивлялись огромному количеству рабочих сил, истрачиваемых на предметы, не приносящие положительного дохода. Распоряжения данными силами составляют самую трудную задачу хозяйства на барщине, которое всегда имеет свойство размножать потребности господского двора в имении, уменьшая в той же пропорции чистый доход. Памятно еще время, когда в некоторых имениях недоставало дохода от целых волостей на содержание бесчисленной дворни, охотничьих собак, лошадей и на другие увеселительные заведения владельцев. Теперь такие примеры стали редки: хозяева сделались расчетливее; но, не менее того, рациональное употребление рабочих сил имения еще мало распространено между нашими помещиками. В этом, как и во многом другом, могут принести им много пользы статистические расчисления. Приводя в известность употребление барщины по предметам, каждый помещик легко может обсудить положение своего хозяйства, сократить ненужный расход рабочих сил и употребить их на предметы производительные. Для этого есть достаточные материалы во всех больших и средних имениях: в них ведутся рабочие журналы, в которые записывается ежедневно число рабочих, высылаемых на работы, и на какие именно, также, сколько чего сделано. Особенно в здешнем краю, где барщина регулирована, такие журналы ведутся аккуратно. Для примера приводим здесь числа, полученные этим путем, об употреблении барщины в одной довольно благоустроенной экономии Звенигородского уезда. Эти числа любопытны во многих отношениях. (Т. 2-й, стр. 218—219.)

В самом деле, эти числа любопытны. Нам хотелось бы, чтобы каждый читатель, занимающийся сельским хозяйством, как можно внимательно рассмотрел огромные таблицы, представляемые «Описанием» относительно употребления рабочих сил в этом имении. Мы решились бы выписать здесь эти интересные таблицы, — хотя бы и пришлось пожертвовать для того двадцатью страницами, — если бы только были уверены, что внимание читателя преодолееет такую массу цифр. Но нет, такой прием был бы слишком тяжел, и потому мы выставяем только некоторые отдельные факты, по примеру которых читатель может судить о всем порядке благоустроенной экономии.

Поместье имеет 843 ревизских души. Способных к работе в

* То есть инвентарями, о которых будет сказано ниже.

том числе 478. Женщин, способных к работе, 414. Из этого числа, за исключением людей, занятых общественными должностями, находящихся в услужении и имеющих особые назначения по хозяйству, остается работников, выходящих на барщину, — 248, а работниц — 257. Не исправляют барщины, будучи заняты другими обязанностями, 230 мужчин и 157 женщин. Эти последние не остаются без дела, и мы увидим, какую пользу приносят их работы.

В удобное для полевых работ время остается более половины рук, не занятых ими и употребленных на другие хозяйственные надобности.

Всего рабочих дней в течение года было отбыто 45 000. Посмотрим, на какие работы они распределялись.

Для выделки холста, сапогов и ниток употреблено более 11 000 дней (целая четверть всего количества работы). Продуктов эта работа доставила столько, что они пошли на одежду 85 должностных крестьян и крестьянок, и притом еще недостало этих домашних изделий на одежду этих 85 человек, а надобно было прикупать много и холста, и кожи, и сапогов.

На господские огороды употреблено 7000 дней (более одной седьмой всех рабочих сил). Получены овощи для господского стола и должностных лиц. На продажу не осталось ничего.

Молотьба хлеба производилась двумя способами: 1, молотильною машиною и 2, обыкновенными цепами. Цепами обмолочено в 3500 дней 3790 копен хлеба (то есть рабочий день обрабатывает более одной копны). При молотильне рабочих дней употреблено 5769, обмолочено хлеба 4200 копен, — то есть на рабочий день гораздо менее одной копны, — так что при помощи машины работа шла в полтора раза медленнее, нежели при помощи цепов.

Количество долгов, лежащих на поместьях, не могло быть определено с точностью, по недостатку сведений. Из книг Киевского приказа общественного призрения видно, что количество отдаваемых в залог имений постоянно увеличивается. В 1826—1830 годах он выдал ссуд под залог имений на сумму 406 000 р., в 1841—1845 годах — на сумму 672 000 р.

Исследовав доходы, доставляемые помещичьими имениями, «Описание» излагает способы управления этими имениями, или, по выражению, которое употреблено в «Описании», — «Способы извлечения помещиками доходов с имений».

Порядок помещичьего управления в Киевской губернии, определенный инвентарями, различен от того положения дел, которое существует в великороссийских губерниях. Подробности, его объясняющие, будут заключать много нового для большинства читателей, не имевших случая близко познакомиться с малорусским бытом; потому мы остановимся на этих известиях.

В провинциях, где введены инвентари, существуют два спо-

соба извлечения доходов с поместий: личное заведывание помещика или его управляющего и отдача поместья в арендное содержание.

Из 1266 поместий Киевской губернии, в 1847 году находилось в распоряжении самих помещиков — 944, управителей — 116 и в арендном содержании — 156.

Когда имением распоряжаются сам помещик или управитель, порядок управления несколько различается, смотря по происхождению помещика. У русских помещиков он не совсем таков, как у польских.

Почти во всех (больших) имениях, принадлежащих помещикам русского происхождения, управление хозяйством и весь контроль находится в конторе экономической, которую заведывает управляющий имением. Контора обыкновенно разделяется на 3 отделения: на бухгалтерскую часть, которую заведывает бухгалтер; казначейскую с казначеем и общую канцелярию, управляемую конторщиком.

В большей части имений, о которых говорим, должности бухгалтера, казначея и конторщика исправляются людьми, приготовленными из собственных помещичьих крестьян; но есть также имения, в которых они замещаются волными людьми, преимущественно из дворян бедного состояния и довольно посредственных способностей, но для своих обязанностей достаточно сведущих. Все вообще должностные называются официалистами.

Распоряжения из конторы отдаются ежедневно по предметам, не терпящим отлагательства, и еженедельно во время общего съезда в воскресенье или субботу всех официалистов на наряд или так называемую сессию: тут каждый представляет отчет в своих занятиях и объяснения причин неисполнения данных прежде распоряжений.

Имение разделяется обыкновенно на экономии, или фольварки. Ими заведывают экононы из вольных людей, большею частью польские дворяне и люди из бывшей шляхты; меньшими фольварками иногда заведывают свои крестьяне, и таких называют прикащиками. При экономах в больших фольварках есть писаря для помощи при досмотре за барщиною, для письмоводства и выписки отработанной барщины. Писаря эти, так же, как и в конторе, все из крестьян.

Книги, отчетность и вся распорядительная переписка и записка в имениях русских владельцев ведутся на русском языке. Книги выдаются переплетенные и перешнурованные из конторы, за ее печатью. В экономиях они заведены по следующим предметам:

1) Инвентарь и при нем план фольварка. 2) Табель для записки отработанной барщины. 3) Книга прихода и расхода разных продуктов. 4) Квитариуш для выдачи квитанций на разные продукты и деньги, поступающие в экономию.

Сверх того: а) Нумерация скирд и умолотная их проба. б) Назначение жалованья и провизии всем служителям. в) Опись всему имуществу. г) Книга для записки недельных нарядов и другая такая же для записки от слова в слово исходящих бумаг.

В больших имениях, которых владельцы польского происхождения, сохранился старинный польский порядок управления имениями. Они разделяются обыкновенно на ключи, в которых учреждаются ключевые управления, подчиненные главноуправляющему всем имением, который называется пелномочник (уполномоченный), или комиссарж; а помещика называют прынцыпал. В этих имениях нет контор: управление и ответственность возложены на одно лицо управляющего, при котором есть только канцелярия, заведываемая его секретарем. Рахмистр, или бухгалтер (от польского «раховаць», считать) и кассир суть две отдельные от управления части, получающие

предписания главного управляющего. В должности рахмистра и кассира избираются люди испытанной честности, сведущие и пользующиеся общим уважением, и должности их считаются в имениях высшими, почетнейшими должностями. В должности кассиров в некоторых имениях избираются не иначе, как только за поручительством помещиков или других известных лиц; это, однако ж, весьма редко требуется, и, сколько известно, нигде почти злоупотреблений со стороны помещичьих кассиров не случается.

Кроме рахмистра и кассира, есть еще третья должность, столь же почетная: это ревизор. Должность ревизора состоит в следующем: наблюдать за целостью господского имущества и за точным исполнением распоряжений, присутствовать при отправке транспортов с хлебом, водкою и т. п., делать умолотную пробу после уборки хлеба, пробу прядева и т. п.; к нему относятся также расследование по разным злоупотреблениям и ревизии экономий во всякое время.

В имениях средних находятся только экононы, обыкновенно из вольных. Для проверки отчетности и составления общего расчета нанимаются посторонние люди, знающие бухгалтерскую часть, на несколько времени и для определенной работы; а по окончании ее они удаляются.

В отношении к образу жизни и степени образованности официалистов можно сделать следующие замечания. В домах их можно найти чистоту, которая при скромной мебели даст жилищу вид некоторого достатка. Обыкновенно мебель состоит из одного или двух столиков столярной работы, столько же диванов, сделанных в виде нар, но обтянутых холстиною и с холстяными матрадами; у стен шесть кресел лучших и столько же простых, комод или шкаф такого сорта, как продают на толкучих рынках в Киеве, но который сохраняется как лучшая мебель в доме. Случается видеть у некоторых больше; но надобно знать, что в этих должностях много есть людей из потерявших состояние на посессиях и владевших собственными имениями. Есть экононы, которые сами имели по 400 и 500 душ и занимали почетные должности по выборам дворянства. У таких, конечно, можно найти остатки лучшей мебели, какой-либо любимый столик, кресло, зеркало, кровать, не проданные иногда с публичного торга или не забранные кредиторами. Там найдете немного и серебра, заветный серебряный поднос или сахарницу и другие вещи, перешедшие, может быть, от дедов. Эти остатки лучшего быта хозяев помещаются часто в простых избах без полу. Многие того мнения, что официалисты живут расточительно и одеваются выше своего состояния. Но, во-первых, по званию дворян и по образованию, они не уступают многим помещикам, и часто можно найти эконома даже лучше образованного (классически), нежели его помещик. Следовательно, по званию, они могут позволять себе одеваться лучше других классов; но на деле даже и этого нет, потому что все, что надевает жена эконома или другого официалиста, сделано из той же самой материи, из которой и мешанки в уездах делают себе платья, с тою только разницею, что материя выбрана с лучшим вкусом и платье сделано с большим умением.

К чести вольных официалистов следует отнести то, что все они, как ни малы их средства, стараются помещать в публичные учебные заведения своих детей, из которых весьма многие оканчивают курсы гимназии и университета и все почти проходят курс уездных училищ. Дети официалистов, по окончании учения, большею частию поступают в военную и гражданскую службу, а некоторые остаются при занятиях своих отцов. В помещичьих имениях можно встретить самых бедных и совершенно необразованных экономов, которые, жалуясь на дороговизну нынешнего учения, все-таки на старости отказывают себе во всяких удобствах, чтобы иметь возможность отдать в училище своего сына.

Прежде, когда помещики были богаче и имения больше, должности официалистов были наследственными. После отца вступал на его место сын, а отец, прослуживший известное число лет, получал пожизненный пенсioen или кусок земли и дом, что называлось *gratiam*, а оттого пользующиеся

ёю назывались грациалистами. Дети официалистов воспитывались или вместе с сыновьями помещика, или главноуправляющего, а получив первоначальное учение, поступали в училища часто на счет помещиков, потому что плата за содержание не превышала в год 40 руб. сер., и то больше хлебом, крупами и салом. Теперь, когда с обстоятельствами помещиков все это изменилось, труды по должности не всегда вознаграждаются и положение официалистов сделалось жалким.

Как бы то ни было, только нельзя не обратить внимания на различие в происхождении и в свойствах между официалистами здешних имений и должностными людьми в имениях великороссийских. Некоторая степень образованности первых, дворянское звание большей их части, их опытность, практическое знание дела, близкий надзор и ответственность, которой подлежат, полезны для исправности сельского счетоводства и внутреннего порядка в имениях. Эти же должности в великороссийских губерниях обыкновенно поручаются крепостным крестьянам и дворовым людям, которые, говоря вообще, по своему состоянию, по родственным связям с крестьянами, обремененными барщиной, по неопределенности ее исправления и по недостаточному надзору за ними, часто употребляют во зло данную им власть и участие в делах; управление их нередко бывает для крестьян обременительно и для помещика убыточно. В этом заключается одно из замечательных различий во внутреннем устройстве между имениями великороссийскими и здешними. Господские повинности крестьян приведены здесь к одной мере и одинакому способу исправления; оттого и управление помещичьими крестьянами в западных губерниях менее затруднительно и более справедливо, нежели в великороссийских имениях, где не только повинности, но и все внутреннее устройство и хозяйство имений и крестьян иногда совершенно зависят от произвола владельца или управляющего. Не входя в подробности управления, остановимся на одном предмете, весьма важном в благоустроенном имении, — это учет отработываемых крестьянами дней барщины и уплачиваемых денежных сборов. По давнему порядку, в большей части здешних имений было заведено в начале года выдавать каждому хозяину книжку, в которую вписано число дней барщины и количество дней и сборов, следующих с него в продолжение года. По мере отработки первых и уплаты последних экономическая контора, обыкновенно каждое воскресенье, отмечала то и другое в тех книжках и в своих книгах, а в конце года делала по ним общий расчет с каждым хозяином за целый год; оставшиеся за ним неисполненные дни барщины и денежные взносы переносила недоимкою в новую книжку на следующий год, а переработанные дни или засчитывала, или расплачивалась за них. Этот простой порядок учета повинностей весьма полезен и для экономии и для крестьян. (Т. 2-й, стр. 255—265.)

Кроме официалистов, в каждом большом поместье значительное число крестьян занято постоянными должностными обязанностями и работами — десятских, овчаров, воловиков, плотников и других мастеровых и проч. Вознаграждение за их постоянную службу для иных состоит в том, что другой работник из того же семейства совершенно освобождается от барщины, а иные получают от помещика жалованье. Число их в Киевской губернии не менее 50 000 человек, т. е. около пятой части всех рабочих мужеского пола.

Их труд, — говорит «Описание», — приносит владельцу доход точно так же, как вольнонаемные работники фермеру в других государствах. Очень замечательно это стремление здешних хозяйств к производству работ не исключительно барщиной, а в значительной мере собственными сред-

ствами, постоянными людьми на жалованьи и продовольствии владельца. При некотором устройстве этого способа работ можно бы и вовсе обходиться без барщины.

Таков порядок господского хозяйства, когда имением распоряжается помещик или его управитель.

Другой способ извлечения помещиками дохода с имений заключается в сдаче их в арендное содержание, или, по-местному, в посессию. Этот обычай весьма старинный и возник, как должно полагать о всех вообще откупках, от нужды в деньгах владельцев. В старинных актах сохранилось много условий помещиков с дворянами и с евреями на уступку им во временное владение своих поместий или в уплату занятых сумм, или вместо процентов за них. Отдача имений во временное владение посторонним лицам за известную сумму, полученную вперед или уплачиваемую ежегодно, представляла владельцам столько удобств, избавляя их от хлопот хозяйства, что этот обычай сделался общеупотребительным в здешнем краю, как и в прочих западных губерниях.

Арендаторами дворянских имений при польском правительстве были частью евреи, частью дворяне, искавшие в этом занятии пропитания и прибытков. Впоследствии евреи устранены от арендования имений и удержали в своих руках винную продажу и другие оброчные статьи. Но наконец и это участие евреев в управлении имениями уничтожено. Ныне арендаторы большею частью из местных дворян, и все, что сказано выше о состоянии официалистов, применяется в равной мере и к посессорам, с тем, однако, различием, что состояние последних еще менее обеспечено, и из него нередко переходят в экономические должности. Из приведенных в начале статьи чисел видно, что число имений, находившихся в 1847 году в аренде, составляет 12 процентов общего числа имений.

Арендная плата, или так называемая здесь тенута за имения, отдаваемые в посессию, весьма различна, смотря по местности, почве, выгодам имений, числу желающих взять их в аренду и т. п. Последнее обстоятельство имеет особенное влияние на цены и ставит их в зависимость от владельцев. По размножению класса посессоров и еще более по исключении их с 1844 года из государственных имений, конкуренция между ними на вакантные посессии ныне весьма усилилась. Видя в содержании аренды единственный способ пропитания своих семейств, каждый посессор без места стремится всеми силами удержать за собою открывающиеся аренды и друг перед другом набивает на них цену или соглашается на возвышенные владельцем платы, не будучи уверен, позволят ли ему средства имения выполнить принятые обязательства. Многие из посессоров имений с почвою, не производящею пшеницы, считают хорошим годом, когда удается исправно выплатить тенуту, прожить с семейством и прокормить свой скот, хотя и без всякого денежного дохода. И для этого, разумеется, посессор должен употребить все свое искусство и неутомимую деятельность, при строгой простоте в образе жизни. Нельзя не согласиться, что хлеб трудно достается классу временных владельцев здешних имений.

В Киевской губернии нет обычая отпускать крестьян на оброк, потому что помещики не доверяют исправности крестьян в уплате оброчной суммы. Но есть один замечательный пример среднего положения между барщинным и оброчным. «Удачные результаты» сделки этой между помещиком и его крестьянами, по словам «Описания», «достойны подражания не только в здешнем крае, но и в великороссийских поместьях».

Владелец местечка Ржищева (имеющего до 2 000 душ), в ви-

дах улучшить состояние своих крестьян, предложил им «взять самих себя на арендное содержание». По его мысли, это должно было служить для крестьян приготовлением к переходу на оброчное положение. Господские поля остались в прежнем объеме и в отдельности от крестьянских. Они обрабатываются целою общиною; но крестьяне сами продают с них хлеб, из вырученных денег платят помещику определенную сумму, а остаток этой общинной выручки употребляют на общественные надобности или делят между собою. Киевские крестьяне не привыкли жить и работать без надзора, не привыкли к торговым оборотам; потому первые годы нового положения были для них затруднительны, но потом они стали получать от него значительные выгоды. Общинными работами заведуют двое старшин, которых выбирают крестьяне.

Помещичьим крестьянам для хлебопашества предоставлено их владельцами в Киевской губернии почти столько же пашни, сколько обрабатывается крестьянами на помещиков, даже несколько более (на 10 десятин господской запашки приходится 11 десятин крестьянской). Но пропорция лугов и сенокосов, оставленных им в пользование, гораздо менее: при господских хозяйствах состоит в полтора раза более лугов и сенокосов, нежели при крестьянских. «Описание» замечает, что последнее обстоятельство должно оказывать влияние на благосостояние крестьян, имеющих недостаток в продовольствии настоящего числа своего скота и в способах к его размножению. Всего в сложности на одну душу мужеского пола предоставлено помещичьим крестьянам без малого две с половиною (2,44) десятины усадебной, пахотной, огородной и сенокосной земли, т. е. слишком в полтора раза менее, нежели пропорция, находимая нами у государственных (старостинских) крестьян, где на душу мужеского пола приходится таких земель с лишком по 4 десятины (см. «Описание», т. 2, стр. 422). Из этого общего количества земли помещичьи крестьяне имеют хлебной запашки, средним числом, без малого по две трети (0,64) десятины на душу обоего пола.

Но пользование землею и хозяйственные выгоды разделены между крестьянами очень неравномерно, не только по различным уездам и поместьям, но и по различным семействам в одном и том же хозяйстве. Семейств, которые имели бы достаточные средства для обработки земли, в каждом поместье не так много, как семейств, не имеющих скота и потому лишенных возможности с успехом обрабатывать землю для себя.

Помещичьи крестьяне в экономическом отношении разделяются на хозяйства по разрядам соразмерно с числом рабочего скота, содержимого ими. Главных разрядов крестьянских хозяйств пять: тяглые, полутяглые, пешие, огородники и бобыли, называемые еще халупниками и кутниками.

Тяглые те, которые имеют рабочей скотины не менее одной пары волов. Они подразделяются на плуговые хозяйства, которые могут выставить полный плуг с тремя парами волов; четверные, у которых две пары

волов; тройные — с тремя волами и парные, или поединки — с одною парюю волов. Полутяглыми хозяйствами называются те, которые имеют не более одного вола или одну лошадь. Пешие хозяйства те, у которых вовсе нет рабочего скота; но в некоторых имениях причисляются к этому разряду и такие крестьяне, которые хотя имеют одну какую-либо рабочую скотину, но, по бедности или малосемейности, не употребляют на тяглую баршину. Огородники не занимаются хлебопашеством и не держат рабочего скота, но имеют оседлость, избу и небольшой участок земли под огородом и конопляник. Бобыли не имеют никакой оседлости, ни избы, ни огорода; они живут при других хозяевах, оседлых, большею частью работниками. По показаниям инвентарей помещичьих имений, число хозяев означенных разрядов в 1845 году было следующее:

Хозяев тяглых	40 539
Полутяглых	12 040
Пеших	95 378
Огородников	14 617
Бобылей	9 698
Всего хозяев	172 272

Соединяя тяглых с полутяглыми и бобылей с огородниками, мы получим, что на 100 хозяйств помещичьих крестьян Киевской губернии приходится только 30 имеющих скот, 55 хозяйств пеших и 15 хозяйств огороднических и бобылей.

В сложности по целой губернии хозяйств тяглых с полутяглыми менее третьей части общего числа крестьянских семейств; остальные две трети или вовсе отчуждены от хлебопашества, или принимают в нем незначительное участие по недостатку рабочего скота.

По всей губернии приходится, средним числом, в помещичьих имениях, на сто крестьянских хозяйств: тяглых 23, полутяглых 7, пеших 55, огородников 9, бобылей 6. Последние два разряда, или пятнадцать процентов, вовсе не занимаются хлебопашеством; пешие, составляющие пятьдесят пять процентов, по большей части сами не обрабатывают пахотной своей земли, а отдают ее в наем тяглым, или у них же нанимают рабочий скот. Следовательно, одни тяглые составляют настоящие хлебопашные хозяйства, которые одни обрабатывают своим скотом собственные свои земли, земли пеших крестьян и все господские запашки. (Том II, стр. 306.)

По расчислению жатв, собираемых помещичьими крестьянами с своих запашек, оказывается, что третья часть хозяйств (тяглые и полутяглые) получают хлеба столько, что несколько более половины его могут продать. Но остальные две трети всего количества крестьян (пешие, бобыли и огородники) пользуются таким количеством запашки, что на целое хозяйство (круглым числом, 6 душ обоего пола) приходится менее 12 четвертей хлеба; но и это количество достается им далеко не вполне, потому что, не имея собственного скота, они не могут обрабатывать своих участков собственными силами, а нанимают тяглых и полутяглых пахать эти участки, отдавая им за то половину урожая. Таким образом, пешее хозяйство имеет, средним числом, не более 6 четвертей собственного хлеба, то есть только по 1 четверти на душу. А как для годичного продовольствия потребно 2½ четверти на

душу, то и оказывается, что пешие, огородники и бобыли от собственных участков получают не более двух пятых частей потребного для них продовольствия. Свести концы с концами стараются они, между прочим, тем, что работают у тяглых и полутяглых хозяев во время уборки хлеба.

Ближайшею причиною положения, в котором находятся две трети хозяйств между помещичьими крестьянами, надобно считать, как мы видели, недостаток скота. Но количество скота находится в зависимости от количества лугов и сенокосов. В настоящее время на каждую десятину этих угодий, находящуюся в пользовании крестьян, они содержат, круглым числом, по 3 головы крупного скота и по 4 овцы — количество, которое уже слишком велико для десятины, так что запас собираемого крестьянами сена едва достаточен был бы для двух месяцев, если б давать скоту надлежащее количество корма.

Денежного дохода крупный скот крестьянам не дает никакого: они не имеют средств заниматься его разведением, потому, когда продают на убой вола или корову, то эти деньги должны употребить на покупку молодого вола, в замену проданного. Овцы также почти не доставляют им дохода, потому что вся почти шерсть идет на собственные надобности хозяйства и в продажу не поступает. Сверх того, не каждое хозяйство имеет и овец. Свиньи, которым не нужно пастбищ, дают некоторый доход: часть сала и поросят крестьяне продают.

С устранением евреев от шинкарства (в 1844 г.) открылся для четырех почти тысяч (3888) беднейших семейств новый источник существования: помещики назначают шинкарями бобылей и пеших. Шинкарь получает десятую часть из чистого дохода, достигающегося содержателю шинка.

Так как собственные запашки и скотоводство не дают двум третям помещичьих крестьян средств для существования, то они должны искать других средств к жизни. Они, как мы говорили, нанимаются убирать поля тяглых крестьян; сверх того, занимаются разными мастерствами. Судя по пропорции знающих то или другое ремесло между поступающими в рекруты из киевских поселен, надобно полагать, что количество мастеровых в селах простирается до 20 000 человек. «Описание», впрочем, замечает, что, «по ограниченности потребления крестьянами многих изделий ремесленности и по низкой цене, нельзя полагать, чтобы исключительное занятие одним каким-либо мастерством давало полное пропитание». Многие крестьяне работают на местных заводах, иные ищут заработки в других местностях, более обильных работою.

Промышленники отлучаются из своих селений: на долгие сроки по паспортам и билетам уездных казначейств, на кратковременные по билетам своих владельцев или их управляющих; немало также уходит на заработки без дозволения, промышляя, пока местная полиция не отправит их домой.

Последнего рода промышленники обыкновенно из беднейших крестьян

пеших, огородников и бобылей. В них редко можно встретить желание и волю скопить себе копейку честным трудом. Женщины из числа их лучше и добропорядочнее мужчин; заработанные деньги они тщательно зашивают в свое платье и часто сберегают до дома. Уходя без спроса, они знают, что по возвращении подвергнутся взысканию. Но это нисколько их не останавливает. К зиме многие сами возвращаются, но редко кто приносит в семейство заработанные деньги; не многие припасают себе зимнюю одежду; большая часть является оборванными, едва прикрытыми лохмотьями летнего армяка. Перезимовав кое-как дома, на весну они опять расходятся на заработки, увольняясь тем и от барщины. Такое бродяжничество, кроме северных уездов, в большом обычае между бедными крестьянами уездов южных, смежных с херсонскими степями. По дороговизне наемных работ в тамошних местах промышленники снискивают себе выгодные заработки и отлучаются на них целыми семействами, на что много жалуются помещики и арендаторы тех имений. Это бродяжничество уменьшено новым устройством повинностей здешних крестьян в 1847 году, и надобно ожидать, что самовольные их отлучки вовсе прекратятся при более уравнительном распределении крестьянских земель между хозяйствами тяглыми и пешими на основании предположенного облustrования помещичьих имений. В Радомысльском уезде многие помещики отдавали прежде своих крестьян лесопромышленникам в наем на суда, на все лето, от льда до льда (таких судорабочих называют здесь ледовиками), и получали за каждого рабочего по 30 руб. сер. Эта операция, выгодная для помещиков, очень невыгодна для крестьянина, потому что он должен оставлять свое хозяйство на все летнее время, когда вольные заработки для него и легче и выгоднее, и взамен того, вместо половины из заплаченных за него 30 руб. сер., следующей за барщину, едва достается им третья часть. Перемена системы хозяйственного устройства крестьян и заботливые старания образованных и благонамеренных помещиков одни могут улучшить нравственный быт. (Том II, стр. 334—335.)

Те особенности, которыми положение помещичьих крестьян в Киевской и других малороссийских губерниях отличается от порядка дел, существующего в Великой России, ведут свое начало от времен, когда Малороссия была соединена с Польшею. Существеннейшие из этих различий касаются способа отправления повинностей, которыми обязаны крестьяне своему помещику.

«Повинности здешних крестьян с давнего времени были определены письменными актами или инвентарями, служившими главным основанием управления имениями и законными документами по сдаче их в арендное содержание, а в имениях коронных ими определялись права временных владельцев при пожаловании тех имений.

Мы можем составить себе довольно точное понятие о барщине и о прочих повинностях помещичьих крестьян в XVI столетии по изданному королем Сигизмундом-Августом уставу.

По этому уставу основанием повинности крестьян принят поземельный участок определенной и одинаковой величины в одну волоку пашни, заключавшей в себе 33 морга (около 18 десятин), кроме сенокоса. За пользование одною волокою назначены постоянные повинности: работою, взносом хлеба натурою и в некоторых случаях деньгами. Следы этого нормального крестьянского участка волокн донныне сохранились в Киевской губернии во мно-

гих уездах, в пропорции наделения плуговых крестьян пахотною землею, до 19 десятин 1 812 квадр. сажен. И самый способ исправления крестьянских повинностей работою, денежными сборами и данями натурою в сущности сохранялся до 1847 года в большей части имений тот же, какой определен в XVI столетии уставом о волоках. Повинности и наделение землею изменялись со временем под влиянием особых причин: повинности от распоряжений и надобности помещиков, а величина участков, сверх того, от приращения населения в имениях, от большего или меньшего благосостояния или обеднения крестьян. Таким образом, произошли: с одной стороны, большие тяглые хозяйства плуговые с обширными участками земли, от которых отбывались все их повинности, а с другой стороны, отделились хозяйства пешие, не имеющие скота. Между тем, волоковые, или плуговые хозяйства, не могли всегда оставаться в одном состоянии: многие из них беднели, лишались скота и приходили в невозможность исправлять повинности, сопряженные с владением их участками. Таких хозяев помещики заменяли другими, если было кем заменить вполне, но чаще по необходимости должны были разделять коренные участки волоки на меньшие, чтобы соразмерить их обработку с силами хозяйств, т. е. с числом рабочего у них скота. Отсюда произошли участки разных величин, соответственные состоянию тяглых хозяйств по числу скота четверных, тройных, паровых и поединков.

Вновь отделяющиеся из тяглых семейств всех разрядов хозяйства находили все земли, отведенные в имениях под ланы, т. е. для крестьян, занятыми тяглами. Помещики нашли, между тем, средства извлекать доход из вакантных своих земель без крестьян — отдачею в наем под пастбища гуртов, собственных стад и т. п., и потому на прибылые хозяйства, не имеющие возможности, по недостатку сенокосов, обзавестись рабочим скотом и исполнять тяглую барщину, отводилась самая малая пропорция земли, и эта пропорция в будущем должна была постоянно уменьшаться по мере приращения населения в классе крестьян». (Том II, стр. 335—338).

Величину повинностей, которыми были обложены крестьяне под польским владычеством, мы знаем из производившихся тогда люстраций. В различных местностях Киевской губернии сумма повинностей, которыми было обязано плуговое хозяйство (имевшее 6 волов), оценивалась в 70—89 золотых; пешее хозяйство (не имевшее волов) отбывало повинностей на сумму 18—24 золотых. «Описание» полагает, что эти повинности должно называть довольно умеренными. После перехода Киевской области под русское владычество прежняя система во многом изменялась, отчасти по изменившимся нравам и понятиям помещиков, отчасти от перехода многих больших имений в собственность владельцев русского происхождения, отчасти от других причин. так что, на-

конец, около того времени, когда были введены инвентари, почти у каждого значительного владельца был свой особенный порядок распределения повинностей по крестьянам. Все эти различия могут быть, однако же, подведены под четыре главные системы:

I. Барщина, по русскому положению, от каждой рабочей души.

II. Барщина от семейств или дворов (старый польский обычай).

III. Барщина от семейств по расчету рабочих душ.

IV. Барщина сложная: летом от рабочих душ, зимою от семейств. — Две первые системы были преобладающими, первая у русских, вторая у польских помещиков.

На основании подробных расчетов, составленных по хозяйственным книгам 14 больших поместий, «Описание» приходит к следующей оценке работ и повинностей, отправлявшихся крестьянами по каждой из этих четырех систем за каждую десятину земли, предоставленной помещиком в пользование крестьянину:

Барщина	Хозяйство с 6 волами	С 4 волами	С 2 волами	Пешее
I. От рабочей души	6 р. 30 к.	8 р. 19 к.	10 р. 79 к.	13 р. 10 к.
II. От двора	2 р. 33 к.	2 р. 94 к.	4 р. 31 к.	5 р. 5 к.
III. От двора по рас- чету душ	—	6 р. 28 к.	12 р. 29 к.	15 р. 9 к.
IV. Сложная, от дво- ров и душ	3 р. 68 к.	5 р. 22 к.	6 р. 91 к.	8 р. 36 к.

Эта оценка выведена из расчета рабочих дней, отправляемых по каждой из четырех систем за десятину земли. Так как две первые были наиболее распространены, то и сравнение их между собою особенно интересно.

Сверх постоянной барщины, были еще многие добавочные повинности: напр., употребление женщин на работы в садах и огородах, на обделку льна и пеньки, на пряжу и проч., мужчин—на стережение господских строений и полей, на ремесленные и заводские работы и проч.; существовали также различные сборы натурою.

На основании представленных выводов, «Описание» определяет число летних и зимних, тяглых и пеших мужских и женских дней, отбывавшихся по всей губернии; а на основании известных экономических расчетов о числе дней, требуемых обработкою десятины озимого и ярового хлебов, сенокоса и проч., оно вычисляет, какое количество этих дней действительно требовалось на полную обработку всех господских полей. Интересно сравнить эти цифры:

	Число отбыва- емых дней	Число дней, нужных для полной обработки господских полей и сенокосов
Мужских тяглых	10 920 775	5 946 461
Мужских пеших	19 838 203	5 730 230
Женских	30 659 022	5 900 008

Всего 61 418 000 [17 576 699]

Кроме того, огороднических дней отбывалось не менее 3 370 000.

Из сравнения этих цифр мы видим, что на полную уборку всех господских полей и сенокосов достаточно было не с большим четвертой части всех отбываемых дней, именно половины тяглых и менее третьей части мужских пеших дней и одной пятой части женских дней.

По ценам, какие имеет в каждом уезде Киевской губернии тяглый мужской, пеший мужской и женский день, перелажая количество этих [61 418 000] рабочих дней на денежную их ценность, «Описание» находит, что вся ценность исчисленных барщинных работ простирается до 7 232 350 руб. сер., и что помещицы крестьяне за каждую предоставляемую им десятину земли отправляли работ в пользу помещика на 5 руб. 89 коп. сер.

Но сумма доходов, получаемых помещиками, исчислена «Описанием» как мы видели, не в 7 232 350 руб., а только в 7 123 380—разница слишком на 100 000; и не должно удивляться несоответственности этих двух цифр: напротив, она окажется гораздо значительнее 100 000 руб., когда мы сообразим, что в сумму помещичьих доходов входят многие статьи, ценность которых производится вовсе не барщиною или только отчасти барщиною. Строго говоря, нет даже ни одной отрасли дохода помещиков Киевской губернии, которая была бы производима исключительно барщиною. Даже земледельческие работы производятся отчасти усовершенствованными (господскими) орудиями, отчасти (господскими) машинами, отчасти господским (реманентным) скотом. Овцеводство, винокурение и заводы требуют, кроме барщины, капиталов и вольнонаемной работы. В числе разных мелких сборов многие имеют характер добровольных коммерческих договоров, а не обязательной работы. Пропинация и продажа леса — чисто коммерческое дело, доходы от которого доставляются вовсе не обязательною повинностью. Попробуем сделать хотя сколько-нибудь приблизительное вычисление этой части дохода, доставляемого помещикам необязательною работою крепостных крестьян.

Хлебопашество, сенокосы и свекловица (полагая, что одна двадцатая часть всех работ исполняется машинами и реманентным скотом) . .	200 000 руб.
Разные мелкие сборы (полагая, что одна пятая часть дохода имеет коммерческий характер) .	100 000 »
Тонкорунное овцеводство, винокурение, фабрики и заводы (полагая половину всего дохода процентом на капитал и вольнонаемную работу)	650 000 »
Пропинация и лесная торговля (весь чистый доход)	1 257 000 »
<hr/>	
Итого	2 207 000 руб.

Эта цифра, по всей вероятности, ниже действительной величины; но даже принимая ее, мы увидим, что обязательная работа, обходясь крестьянам в 7 230 000 руб., доставляет помещикам не более 4 915 000 руб. Разница — 2 315 000, — около третьей части всей ценности употребленного труда и около половины полученного дохода, — составляет чистую растрату труда, которая легко объясняется приведенными у нас выше замечаниями «Описания» относительно экономического употребления сил в хозяйстве при обязательной работе.

Введением (с 1848 года) «Положения об инвентарях» изложенные нами отношения отчасти изменились:

Весь вышеизложенный порядок отправления крестьянами господских повинностей и самый размер их основывались, по большей части, на старинных обычаях и на изменениях, введенных самими помещиками в своих имениях. Мы показали недостатки старой системы и необходимость ее изменения. Вопрос об этом предмете возник в 1843 году при рассмотрении в высших правительственных местах проекта: «Положение об инвентарях для помещичьих имений в западных губерниях». Сущность его заключается в следующем: «наделять крестьян землею, не ограничивая участков по числу рабочего скота, потому что бедные скотом крестьяне, хотя по местному обыкновению будут обязаны отправлять пешие рабочие дни, но, не получая участка, который обеспечивал бы их пропитание, они будут терпеть ежегодно нужду в самом пропитании и, следственно, никогда не придут в состояние приобрести рабочего скота и улучшить свое положение и хозяйство». Повинности предполагалось «налагать на крестьян не по числу наличных душ и рабочих сил в их семействах, но по количеству и качеству поземельных участков, выделяемых крестьянам, и других выгод, предоставленных им в поместьях для устройства их хозяйства и благосостояния». На этих главных основаниях предположено было составить общий инвентарь, применяемый ко всем помещичьим имениям. Для ближайших соображений всего относящегося к вопросу, был учрежден здесь, как и в других западных губерниях, особый комитет, под названием Инвентарного, которому поручено было собрать, рассмотреть и сообразить с законами существовавшие в помещичьих имениях инвентари и представить высшему начальству свои соображения, собранные сведения и собственные предположения для составления по ним полных и положительных правил о порядке введения инвентарей, их состава и средствах исполнения. Инвентарный комитет открыл свои действия в начале 1845 года и в продолжение двух лет собрал, через уездных предводителей дворянства, рассмотрел и представил статистические описания и инвентари всех помещичьих имений Киевской губернии. Число рассмотренных им инвентарей простиралось до 2 210.

По обсуждении высшим местным начальством этих данных составлены были подробные правила для управления здешними помещичьими имениями, которыми преобразован прежний порядок исправления крестьянами господских повинностей, установлено единообразие в их размере и самые повинности значительно сокращены, чем много улучшалось состояние крестьян без ущерба хозяйству помещиков. Эти правила с 1848 года введены в действие во всех здешних имениях. (Том II, стр. 379—380.)

Нет сомнения в том, что эта правительственная мера начала уже приносить теперь полезные плоды.

Глава, излагающая состояние помещичьих имений, занимает две трети всего «Описания сельского хозяйства» в издании г. Фундуклея. Остальные главы этого тома, говорящие о госу-

дарственных имуществ, о землях, состоящих под военными поселениями, и о поземельной собственности, принадлежащей разночинцам, гораздо менее обширны и представляют гораздо менее изысканий, потому и мы не будем долго на них останавливаться, спеша перейти к обозрению фабричной и торговой деятельности Киевской губернии.

Государственные имущества в Киевской губернии по своему происхождению разделяются на три главные разряда:

1) Старостинские имения, которые при польском владении составляли коронную собственность, отдававшуюся во временное пользование старостам. Права старост над имениями этими были очень ограничены; но, при ослаблении королевской власти, старосты стали распоряжаться ими как помещики. По присоединении Киевской губернии к России, поместья эти отдавались также во временное владение заслуженным людям, а в 1839 году переданы в ведомство Государственных имуществ.

2) Имения, поступившие в казну от православных монастырей и римско-католического духовенства.

3) Конфискованные имения.

К 1846 году в заведывании Министерства государственных имуществ состояло в Киевской губернии 88,605 душ мужского пола.

В имениях военных поселений в 1845 году считалось 18 995 душ мужского пола.

Очень замечательна в Киевской губернии колония меннонитов (в Бердичевском уезде), как пример благосостояния, возможного для поселян, при тех привычках порядка и деятельности, которые приобретены благодаря образованию, нравственности и покровительству законов. Довольно указать один факт, чтобы оценить выгоды, доставляемые этими условиями. Землю свою меннониты обрабатывают теми же орудиями, по той же системе, как и другие киевские поселяне, но получают с нее в два с половиною раза более дохода, нежели получается обыкновенно.

По сведениям, собранным в «Обозрении» за 1842—1847 годы, из всех отраслей заводской и фабричной промышленности развивалось почти только одно свеклосахарное производство, и только оно имело важность в экономическом быте губернии. Все остальные производства были незначительны. Зато возрастание свеклосахарных заводов было очень быстро. Число их и ценность изделий были:

	Число заводов	Сумма производства
В 1842 году	15	85 260 руб.
» 1843 »	20	154 460 »
» 1844 »	40	1 286 670 »
» 1845 »	41	2 200 100 »
» 1846 »	47	2 452 100 »
» 1847 »	56	3 584 600 »

Все остальные фабрики и заводы в 1847 году произвели товаров менее, нежели на 1 400 000 руб. сер., так что в общем итоге — 4 953 655 руб. — свеклосахарным заводам принадлежало почти три четверти всей ценности. Из других промышленных заведений значительнее прочих было в 1847 году производство суконных фабрик (373 300 руб.) которые, впрочем, постепенно упали (в 1842 году производство их простиралось до 668 500 руб.), и кожевенных заводов (465 300), которые довольно быстро развивались (в 1842 году производство их было 302 620 руб.).

Из всей суммы выделки фабрик и заводов в 1845 году — 3 500 000 руб. — на заведениях, принадлежащих помещикам, сумма выделки простиралась до 3 000 000 руб. Таким образом, в руках помещиков сосредоточивалось шесть седьмых частей всей фабрично-заводской деятельности.

В счет, представленный выше, не внесены винокуренные заводы, которые произвели в 1847 году около 3 200 000 ведер вина, пивоварни (около 375 000 ведер пива) и мельницы, которые в течение года смолотили более 2 000 000 четвертей хлеба.

Свеклосахарная промышленность введена была в Киевскую губернию графом Бобринским, устроившим в местечке Смеле завод, который значительностью приносимых им выгод возбудил всеобщую охоту заняться этим делом. Исследование о свеклосахарной промышленности сделалось одним из самых полных и точных отделов «Обозрения», благодаря просвещенной готовности заводчиков сообщать все нужные сведения и отчеты о своем производстве. Специалисты с большою пользою будут изучать это изыскание.

Кроме огромных выгод, получаемых заводчиками, свеклосахарная промышленность доставляет пользу всему населению местностей, в которых водворилась. Так, между прочим, за одну обработку свекловичных плантаций киевские поселяне в 1846 году получили по вольному найму до 88 000 рублей. Нет надобности говорить, как важен этот источник денежного дохода для сельского населения, которое до того времени почти не знало никаких других отношений по работе, кроме обязательных повинностей. Приведем факт, свидетельствующий о значительности влияния этого нового положения на благосостояние крестьян.

В Смелянском имении перед открытием завода из 1 031 хозяйства было 167 тяглых, то есть из 100 хозяйств только 16. Через шесть лет по учреждении завода число хозяйств возросло до 1 117, и в том числе тяглых было 215, то есть на 100 хозяйств приходилось уже 19 тяглых. В тот же период времени число рабочего скота у крестьян возросло слишком вдвое (в 1839 году было 890, а в 1846—1 827 голов).

Но вот другой факт, еще более замечательный, относящийся к тому же Смелянскому заводу. Недостаток в работниках, которые находились бы при заводе постоянно, заставил гр. Бобрин-

ского перевезти на этот завод из Харьковской губернии до 1 000 душ принадлежащих ему крестьян и поставить их в положение фабричных, состоящих на жалованьи. Кроме провианта и жилища, каждый работник получает жалованье по 6 руб. сер. в месяц.

Круглым числом, работами на фабриках и заводах Киевской губернии заняты до 21 000 работников. Размышления, которыми сопровождаются в «Обозрении Киевской губернии» эти цифры, любопытны по своей справедливости. Сведения о числе фабричных, говорит «Обозрение», очень важны для разрешения многих важных экономических вопросов и, между прочим, вопроса о высоком или низком тарифе:

По нашему мнению, применяя его теоретически к нашему отечеству, надобно более иметь в виду пользу класса промышленников, заинтересованных в сохранении и процветании отечественных фабрик, нежели выгоды потребителей фабричных произведений, составляющих самый малочисленный, а вместе и достаточный класс нашего населения. Из приведенного исчисления видим, что для фабричного производства одной губернии нужно до 21 000 рабочих. Приобретаемая каждым из них плата имеет прямое влияние на благосостояние как самих работающих, так и семейств их; следовательно, полагая, средним числом, до 5 душ семейства на каждого работающего, можно заключить, что до 100 000 душ заинтересовано в фабричном производстве одной губернии. Предположив теперь, что, вследствие свободного привоза заграничных фабричных изделий дешевых, прочных и красивых, подобные же изделия здешних фабрик будут вытеснены из торговли, вместе с тем закроются и самые фабрики. Тогда, конечно, многие из питающихся теперь от этих фабрик лишились бы куска хлеба, ничего не выиграв от свободного привоза, ибо простой народ почти вовсе не потребляет фабричных изделий; вся выгода была бы на стороне достаточных классов. Но это могло бы случиться только тогда, когда все руки, употребляемые на фабриках, работали бы по вольному найму и без раздела заработков: в настоящем же положении фабричной промышленности почти три четверти рабочих из крепостных крестьян не заинтересованы в сохранении помещичьих фабрик, на которых работа по большей части невыгодна и тягостна. Подрыв и уничтожение этих фабрик было бы, может быть, благом для работающих по неволе. Так сложны и отличны от других народов наши экономические интересы в настоящее время. (Том 3, стр. 295—296.)

Не менее приведенных нами размышлений интересны и справедливы замечания, представляемые «Обозрением» относительно чрезвычайной важности так называемых мелких промышленности, которыми занимаются поселяне в домашнем быту, производя изделия того же рода, какие делаются на фабриках, напр., полотна, сукна, металлические вещи и проч. (Том 3, стр. 234—236.) В этих «ручных» работах «Обозрение» справедливо находит зародыши — правда, в настоящее время еще очень слабые, — возможности как благосостояния для занимающихся ими, так и доставления фабричных изделий многочисленнейшему классу потребителей, которым недоступны фабричные товары. Потому нельзя не разделять желания, чтобы механика обратила внимание на улучшение орудий, которыми производятся эти домашние рабо-

ты: нет сомнения, что орудия эти можно усовершенствовать так, чтоб, оставаясь принадлежностью домашнего хозяйства поселянина, они давали изделия довольно высоко~~го~~ доброты; тогда масса населения получила бы удобства жизни, о которых не имеет и понятия в настоящее время. Вообще, все исследование о мелкой промышленности принадлежит к числу интереснейших в «Обзрении».

Получить точные сведения о торговых оборотах в Киевской губернии было очень затруднительно, потому что только немногие значительнейшие купцы, имеющие правильную бухгалтерию, могли и хотели доставить статистические известия о своей торговле. Другие до сих пор считают необходимостью сохранять молчание об этом, что, конечно, и нужно для них, потому что, собственно говоря, они ведут свои дела без капитала, единственно при помощи оборотливости. До некоторой степени, недостаток сведений, происходивший от этой причины, вознаграждался отчетами фабрик и заводов, по которым видно, каких товаров и на какую сумму было куплено и продано.

В конце XVIII века судоходство по Днепру было незначительно. Главный продукт Киевской губернии, земледельческие произведения, не находил себе почти никакого сбыта. Затруднениями для судоходства по Днепру служат, кроме известных порогов, многочисленные мели. В количестве судов, разгрузившихся и нагрузившихся на Киевской и Каневской пристанях, в 1840 — 1844 годах не было заметно приращения сравнительно с предыдущими годами. То же надобно сказать о массе привезенных и вывезенных товаров. Но с 1844 года судоходство стало заметно расширяться. Тем не менее, сухопутная торговля в 1846 году все еще была гораздо деятельнее речной. Например, в 1847 году торговые обороты были:

	Водою по Днепру	Сухим путем
Привезено товаров на сумму до	420 000 р.	2 260 000 р.
Отпущено	840 000 р.	2 800 000 р.

Впрочем, надобно заметить, что в 1847 году отпуск достигал редкой значительности по слишком высоким ценам на хлеб в Одессе.

Внутренняя торговля в границах самой губернии была, конечно, гораздо значительнее.

Почти вся она находится, как известно, в руках евреев. Хорошо или худо такое положение дела? «Полагаем, — говорит «Обозрение», — что этого нельзя назвать решительным злом в настоящее время, когда правительство не только не имеет надобности в содействии евреев по финансовым делам, но даже приняло ряд полезных мер к сближению их с остальною частию местного населения, к уничтожению между ними тунеядства, не-

вежества и фанатизма, этих главных причин обмана и недобросовестности, которыми отличались прежде торговые обороты всех евреев, а ныне — только мелких промышленников этого племени. При успешности принятых мер и других, которые укажет дальнейший опыт, надобно ожидать, что в данное время образуется из евреев торгующий класс, весьма полезный для края и достойный всякого уважения по своей предприимчивости, верности коммерческого взгляда, расчетливости и изобретательности в средствах развития торговли».

Улучшение путей сообщения будет главным средством для оживления торговли. В настоящее время даже хлеб из Киева в Одессу перевозится на подводах. Доставка обходится почти по 2 руб. сер. с каждой четверти. До какой степени развитие торговли зависит от путей сообщения и в каком положении находятся они в Киевской губернии, достаточно обнаруживает уже один тот факт, что хотя количество ярмарок по губернии во время зимы менее, нежели в какое-либо другое время года, но привоз товаров на зимние ярмарки составляет половину всей массы ярмарочных оборотов.

Многочисленные, очень подробные таблицы привоза, отпуска, потребления и продажной цены разного рода товаров и дельные, основанные на глубоком изучении предмета замечания, которыми сопровождаются эти таблицы, дают главе «о торговле» такую же чрезвычайную важность для ученого изыскателя, какую имеют почти все другие отделы «Обозрения». Вообще, издание г. Фундуклея будет настольною книгою каждого занимающегося исследованием экономического быта нашей родины. Для чести русской ученой литературы надобно желать, чтобы западные экономисты были ознакомлены с этим капитальным трудом, если не посредством полного перевода, чего трудно надеяться при массивности книги, то, по крайней мере, посредством обширного извлечения; а для нашей собственной пользы должно желать, чтобы не замедлилось издание четвертой части этого поучительного трактата.